

Елена Л. Березович

«Вдова» и «сирота» в славянских языках

Обозначения вдовы и сироты занимают периферийное положение в составе лексического поля «родственные отношения» и реже привлекают к себе внимание, чем слова, обозначающие членов полной семьи. Вместе с тем сам факт принадлежности этих слов к лексике родства – древнейшей и воспринимаемой ценностно – обуславливает их активное участие в процессах семантической деривации и функционирование в составе устойчивых сочетаний. В настоящей статье предпринимается попытка выявить основные семантико-мотивационные линии, проявляющиеся в языковых образах вдовы и сироты. Материал извлечен из словарей славянских литературных языков и диалектов; менее регулярно приводятся романские и германские данные.

Очевидно сходство в языковом восприятии вдовы и сироты. Оно проявляется, во-первых, на уровне этимологии: к примеру, слав. *sirъ обнаруживает несомненные родственные связи с литов. *šeirys* ‘вдовец’ (Трубачев 2008: 254–255); во-вторых, в фактах замены словом *sирота* слова *вдова* (в прямых значениях): ср., например, рус. костр. *сирота* ‘вдова’; в-третьих, в регулярном употреблении обоих слов в одних и тех же контекстах: укр. «Сироту та вдовицю то і тріски б’ють», серб. «*Zakukalo devet udovica, zaplakalo devet sirotica*» и т. п.; в-четвертых, в сходстве процессов семантической деривации на базе изучаемых слов (что мы покажем в дальнейшем).

Анализ деривационных гнезд и фразеологии с участием слов «вдова» и «сирота» показывает, что в соответствующем смысловом пространстве выделяются два типа мотивов (смысловых признаков): 1) дескриптивные мотивы, содержащие индивидуальную характеристику изучаемых образов; 2) оценочные генерализующие мотивы с более широким смысловым наполнением, объединяющие каждый образ с какими-либо другими. Ниже дадим характеристику каждого из этих типов, перечислив основные входящие в него мотивы (не все!).

Дескриптивные (индивидуальные) мотивы. Эти мотивы наиболее ярко проявлены в образе вдовы. Основные «сиротские» мотивы могут быть включены во «вдовьи», поэтому есть смысл описывать их совместно.

Доминантной в языковом образе вдовы и сироты является тема *печали, несчастья, горя*. Универсальна для всех славянских языков (и, разумеется, не только для них) сочетаемость обозначений вдов и сирот со словами «несчастный», «печальный», «горестный». Мотив горести проявляется и в деривационных связях, ср., например, рус. литер. *сиротливый* ‘унылый, безрадостный’, влг., забайк., курган., олон., сиб. *сиротать* ‘горевать, печалиться, живя в одиночестве’, укр. *сиротливий* ‘печальный, грустный’ и др. Тема горя получает образное звучание в мотиве *горечи*, который проявляется как на уровне сочетаемости (ср. рус. *Вдовье дело горькое*; олон. *Сирота я есть прегорькая* и т. п.), так и на уровне деривации – в обозначениях горьких растений: рус. сибир. *вдовья трава* ‘полынь’: «Глистник еще вдовьей травой называют. Потому то горький он. Говорят, что в нем все людские страдания находятся», дон. *вдовки* ‘календула – растение, в надземной части которого содержатся горькие вещества’.

Горестная участь вдов и сирот находит яркое воплощение в мотиве *плача, слез, рыданий*, ср. в паремииологии: рус. «Нет причитанья супротив вдовьего», «В девках – приторно, за мужем – натужно, а вдовьей чреде – что по горло в воде», укр. «У вдови плакана доля», хорв. «A sjerotska suza mraka nije, teško njemu vrh kog se prolije» и др. В системе языка мотив слез реализуется в номинациях явлений природы – дождя и росы (рус. амур. *сироты плачут, заплачут* ‘о дожде при солнце, затяжном дожде’, арх. *сироты плачут* ‘об обильной росе’, полес. *сирота плачэ* ‘о грибном дожде’), а также растений, стебли и листья которых наполнены влагой или же кажутся влажными (рус. ср.-урал. *вдовьи слезы* ‘комнатное растение с зелеными глянцевыми листьями и красными цветами’, простореч. *вдовый цветок (Ванька мокрый)* ‘бальзамин – растение с сочными, как бы налитыми водой стеблями’, амур. *сирота* ‘растение, которое перед дождем покрывается капельками влаги’). Мотив плача может реализовываться и на «звуковом» уровне, что проявляется в английских фаунистических номинациях, ср. *widow-wail* («вдовый вопль») ‘птица *Frillaria Meleagris*’, *widow monkey* ‘обезьяна *Callicebus torquatus*, издающая пронзительные вопли’.

Отметим, что мотив слез (влаги) более активен в языковом образе сироты. Для проявления этого мотива значимы внутриязыковые стимулы – притяжение к словам с корнем **sy-* ‘сырой, влажный’.

Вдовы и вдовцы связаны с *миром смерти*, ср., например, польскую поговорку «U wdowca trupia głowa na stole leży» (предполагается, что вдовец всегда вспоминает умершую жену). В романских языках вдова ассоциируется с призраками, ср., например, исп. *viuda, viudita* ‘привидение, ночной призрак, блуждающий огонь’. «Смертные» коннотации вдовы проявляются также в образе виселицы, гильотины, специфичном для романо-германских языков: исп. *viuda*, англ. *widow* ‘виселица’, франц. *veuve* ‘гильотина’, *épouser la veuve* ‘быть гильотинированным’.

С темой смерти оказываются связанными мотивы темного цвета, мрака, ночи, холода. Образ вдовы «окрашен» в *черный (темный) цвет* – цвет траура (ср. строчку из русской песни «Снимай, вдова, платье цветное, надевай, вдова, платье черное!»): рус. *вдовый цвет* литер. ‘траурный, не светлый’, простореч. ‘лиловый, фиолетовый’. Признак черного цвета метафорически преломляется в названиях

темных животных (например, рус. карел. *вдова, вдовица* 'разновидность зубчатки черного цвета', рус. *вдовушка длиннохвостая*, польск. *wdowa, wdówka*, чеш. *vdova, vdovka rajská*, англ. *widow* 'африканская птица, самец которой имеет черную спину и очень длинный черный хвост' (это кальки с лат. номенклатурного названия этой птицы *Vidua*)), минералов (рус. простореч. *вдовый камень* 'минералы фиолетового цвета – аметист, alexandrit') и растений (рус. простореч. *вдовый цветок* 'бальзамин'; польск. *wdówka* 'фиалка *viola tricolor*').

Более слабо, но все же ощутимо в языке представлен мотив **мрака**. Ср. польские примеры, где он проявляется на уровне текстовых связей – в контекстах вроде: «...smutne dnie różnej jesieni, sieroce dnie bez słońca, szare i posępne»; «Rzadkie drzewa z wieczornym zlewają się kirem i ziemia tonie w mroku sieroca i wdowia». Показательны романские данные: итал. *orfano* 'лишенный света, темный', лат. *viduus a lumine Phoebi* 'лишенный дневного света'. Есть смысл упомянуть также об укр. *сірий* 'пасмурный, мрачный (про погоду, утро, день и др.)', которое сформировалось в гнезде *сірий* 'серый' – но, возможно, не без влияния слов с корнем *сир-*.

Мотив **ночи** проявляется в ассоциативных связях вдовы с ночными птицами – совой (ср. укр. *Життя вдовине – совине*; рус. *Совушка-вдовушка и незваная идёт; Совушка – вдовушка бедокурная*), свистящей уткой (чеш. *kachna vdova* 'белолицая свистящая утка, которая активна ночью'), козодоем (англ. *widow* 'козодой').

Реализацию мотива **холода** можно усмотреть в обозначениях физиологических реакций человека на мороз: дрожь, мурашки, «гусиная кожа» получают такие наименования, как рус. юж. *сіроты*, укр. диал. *сіроти*, польск. *sieroty, sierotki, sirotki*; ср. также блр. *сіроты поўставалі* 'о сильном страхе', укр. *повиступали сіроты, узятися сіротами* 'покрыться пупырышками от холода или нервного возбуждения'. В языковом «портрете» вдовы этот мотив проявляется на уровне текстовых связей: рус. «Холостой – простой, женатый – богатый, а вдовец – что зяблец»; польск. «U wdowca pół dupy zimnej».

Язык отмечает **социальное и экономическое положение** сироты и вдовы, при этом в образе сироты делается акцент на социальном статусе, в образе вдовы – на имущественном.

«Сирота» обозначает разные варианты социального бесправия (ср., к примеру, др.-рус. *сирота* 'слуга, холоп', 'крестьянин', полес. *сірота* 'слуга'), переходящего в асоциальность (итал. *orfanello* 'один из воров, преступников, входящих в банду'). «Вдова» тоже может иметь статус прислуги: др.-рус. *вдова комнатная, сѣнная* 'овдовевшая женщина, живущая в услужении в доме состоятельного человека'.

Вдова и сирота бедны, ср. др.-рус., рус. арх. *сирота*, укр. *сірота*, болг., серб. *сиромах* 'живущий подаянием, милостыней, нищий', рус. литер. *по-сиротски* 'как свойственно сироте: бедно, скудно', польск. *wdowi grosz, grosik*, чеш. *vdoví groš* 'дар нищего, бедного' и т. п. Интересно, что в германских языках фиксируется образ не только бедной, но и богатой вдовы, ср. англ. *widow's bench* («вдовья скамья») 'доля имущества мужа, которое вдова получает в дополнение к своей вдовой доле', *widow* 'прикуп'. Такой образ отсутствует в восточнославянских языках (и, кажется, в южнославянских), однако отмечается

в польском, ср. *ciepła wdówka* 'богатая вдова', которое является калькой из германских источников.

Не остается не замеченным языком **физический облик** вдовы, на котором сказывается в первую очередь ее тяжелый труд. У вдовы вздуваются жилы (рус. арх. *вдовья жила* 'вздувшаяся вена на внутренней стороне пальцев рук'), появляется горб (ср. рус. простореч. *вдовый горб* 'грудной кифоз, избыточное прогибание позвоночника назад', которое имеет эквиваленты в других европейских языках и является калькой англ. *widow's hump* 'то же'; ср. также рус. поговорку «Мушь умереть – жына горпъ наживеть»). Вдовы – обычно пожилые и полнеющие женщины (рус. арх. *вдовье мясо* 'полнота, округлость, развивающаяся у стареющей женщины').

Вдовцы и вдовы имеют **тяжелый характер**, из-за чего они сравниваются с колючими растениями – различными разновидностями репейника, чертополоха, осота: севернорус. *вдовец*, влг. *вдова*, укр. диал. *вдова*, чеш. диал. *vdova* и др. (ср. один из контекстов: рус. карел. «Вдовец колючий, как вдовый мужик»); ср. также исп. *viuda* («вдова»), итал. *vedovina* («вдовушка») 'садовая скабиоза – растение, имеющее шершавые листья'. Возможно, сходные ассоциации отражены в англ. *widow rock cod* («вдовый групер (порода рыб)») 'колючий морской окунь *Sebastes*'.

Негативную оценку получает и жизненный опыт овдовевших людей, что отражается в мотиве **«бывшего в употреблении», «вторичного»**. Это проявляется при сравнении вдов и вдовцов, стремящихся к замужеству, с теми, кто вступает в брак впервые. Вдовец уподобляется волокну, которое подвергалось обработке (трепанию и проч.) – в отличие от необработанной кожи: рус. пск. *волоknяный жених* 'вдовец, собирающийся жениться вторично' – *кожаный жених* 'жених, который ранее не состоял в браке'. С вдовой связывается еще менее лестный образ старых штанов: польск. «Kto pojął wdowę, jakby też kupił portki na tandecie»; рус. «На вдове жениться, как старые штаны вздевать, не вошь, ин гнида укусит». Похожий образ представлен и в невербальной сфере культуры: так, в Прикамье считалось, что если девушке при святочных гаданиях на жениха достанется старая тряпка, то это предвещает брак со вдовцом.

Несмотря на негативную оценку этого брака со стороны «невдовой» половины, сами вдовы и вдовцы **стремятся к вступлению в новый брак**. Это отражено в названиях «липучих», цепляющихся за одежду растений (рус. костр. *вдовушка* (= *липучка*) 'растение *Coronaria flos cuculi*', блр. диал. *удава* '*Viscaria viscosa* Aschers., смолка клейкая'), а также в паремиологии: болг. «Надява се като вдовица на ерген»; польск. «Každy wdowiec to jak pies do owiec», «Wdowu za mąż gotowu»; слвц. «Vdovička – každému lavička».

Оценочные генерализующие мотивы. Эти мотивы не дают точной характеристики реалий, а указывают на какие-то весьма общие (и имеющие разную степень абстрактности) свойства, которые, как правило, приписываются не только вдове или сироте, но и всей категории «неполноценных» родственников (например, мачеха, пасынок, холостяк) и другим лицам, которые в народных представлениях наделяются низким социальным статусом («бабы», инородцы и др.).

Идея **обособленности** может предполагать пространственную отделенность, расположение в стороне: укр. *сиротливий* 'расположенный обо-собленно, отдельно от других', рус. днепро. *сиротка*, укр. черниг. *сирота*, *сиротка* 'рыба ерш-носарь, обитающая отдельно от других видов рыб', ср. также англ. *widow's lock* 'небольшой локон или челка, растущие отдельно от волос надо лбом'. «Сироты» нередко встречаются среди наименований объектов ландшафта (ср. болг. диал. *сирѝк* 'небольшой арык, отведенный от главного канала для орошения лугов, садов и проч.'). в том числе в топонимии: реки *Сиротинка* (Вологодск. обл. России; среднее левобережное Поочье; Верхнее Поднепровье); болото *Сиротка* (Архангельск. обл. России) и др. Фиксируется также ряд значений, выражающих идею обособленности во времени: болг. *сираче* 'растение мерендера опрыскивая, которое зацветает очень рано по таким местам, где в это время другие цветы не встречаются', рус. ворон. *сиротки* 'растение пролеска двулистная, зацветающая рано', болг. диал. *сирак*, чеш. *sirotka*, рус. ср.-урал. *сын без отца*, польск. *filius ante patrem* 'растение синий осенний безвременник, плоды которого появляются весной раньше цветов, распускающихся осенью или в начале зимы' и др. Для этих значений есть параллели с участием образов других «неполноценных» родственников, ср. рус. дон. *бобыль*, ряз. *брючок* 'рыба ерш-носарь', рус. арх., ворон. *пасынок*, блр. *пасынак* 'ответвление холма, оврага, реки; водоотводный канал'.

Идея **непарности, единичности** реализуется в таких фактах, как польск. *wdowiec* 'танцор без пары', болг. *сирѝченце* 'один, единичный узор', рус. арх. *вдова*, *вдовая свая* 'свая, состоящая из одного бревна', укр. диал. *удовець*, *удова* 'первое или второе блюдо, подаваемое без другого': «Борщ без каші удовець, а каша без борщу удова» (ср.: в Польше после рождественского ужина ставили в углу стола горшок с кутьей и горшок с вареными сухофруктами, чтобы не оставить кутью *samotną wdowicą*); ср. также франц. арг. *orphelin* 'разрозненный непарный предмет', англ. *orphan terminal* 'одиночный терминал' и др. Как и в предыдущем случае, аналогичные значения могут быть выражены с помощью образов других «родственников», ср., к примеру, рус. сиб. *холостой столб* 'столб в любой постройке, в котором нет паза для соединения досок'. «Рекордсменом» по количеству образных вариантов можно считать наименование растения анютины глазки: серб. *удовица*, *сирота*, *маѱаха*, словен. *sirotica*, *mačeha*, болг. *засмян ерген* («смеющийся холостяк»), польск. *wdówka*, чеш. *maceška*, *sirotka*, н.-луж. *syrotka*, *matuška*; ср. также англ. диал. *stepmother* («мачеха»), итал. *suocera e nuora* («свекровь и невестка»). Очевидно, в этих названиях обыгрывается такой яркий признак растения, как наличие непарного нижнего лепестка (в отличие от средних и верхних, образующих пары).

Идея **отсутствия важного содержимого, пустоты** тоже имеет разные варианты воплощения: **без начинки, заправки** – рус. арх. *вдовица* 'лепешка, изделие из теста без начинки', твер. *сиротка* 'пустая гречишная каша', пск. *холостянка* 'пустая похлебка'; **без рыбы** – рус. арх. *вдовая сеть* 'рыболовная снасть, вытянутая без рыбы или с незначительным количеством рыбы', арх. *холостой* 'без рыбы (о ловушке на рыбу)', пск. *с молодушкой приехал* (кто-либо) 'о том, кто совсем не поймал рыбы (но ср. чеш. диал. *ženatý* 'о рыболовном снаряде с рыбой)'; **без воды** – итал. *védovo* 'безводный (о реке)'; **без**

урожая, плода – блр. диал. *удава*, рус. башк. *холостой цвет* ‘пустоцвет’, сиб. *холостой брусничник* ‘листья брусничника без ягод’, ср. также лат. *viduertās, ātis* ‘бесплодие, неурожайность’, *solum viduum arboribus* ‘безлесная почва’; *без удачи, выигрыша* – рус. простреч. *вдовку в жены взять* ‘проиграть при игре в шашки’, ср. также итал. *orfanello* ‘в игре рулетка: цифры, дистанцированные от нуля и не относящиеся к серии 5/8’.

Что касается идеи **неполноты, нецелостности**, то она проявляется, например, в типографской терминологии – в обозначениях неполной абзацной или висячей строки, ср. рус. *сиротка, вдова*, англ. *widow, orphan* и др. (термины с такой внутренней формой являются международными и представлены в разных европейских языках). Сюда же можно отнести рус. костр. *сиротки*, ср.-урал. *пасынки* ‘черепки разбитой посуды’ (ср. серб. «Udovac – razbijen lonac»), а также франц. арг. *orphelin* ‘окурок’.

Идея **недостаточности проявления признака, низкий интенсивности, насыщенности** и т. п. представлена, к примеру, в серб. *съротѝ* ‘маленький, незначительный по количеству, значению, величине, ничтожный’, рус. простореч. *сиротская баня* ‘недостаточно жаркая баня’, *сиротская зима* ‘нехолодная зима’, хорв. *sirotinjsko leto* ‘потепление осенью или зимой’. Сходные смыслы выражаются словами с внутренней формой «бабий» или «цыганский», ср. рус. литер. *бабье лето*, польск. *babie lato*, болг. *циганско лято*, серб. *циганско лето*. Возможно, здесь же следует рассматривать рус. арх. *вдовьей палец* ‘безымянный палец руки’: этот палец «уступает» другим по размеру и функциональной значимости, отсюда такие его наименования, как рус. арх. *бабка*, блр. диал. *глухі палец, нямы палец* и др.

Даже этот выборочный перечень оценочных генерализующих мотивов позволяет утверждать, что изучаемые образы – своего рода эталоны образного предметного воплощения признака каритивности, который изучался прежде всего на материале атрибутивной лексики, т.е. прилагательных со значениями ‘пустой’, ‘сухой’, ‘пресный’ и др. (Толстая 2008: 50–98), – и это понятно, поскольку каритивность демонстрирует обобщенность семантики качественных прилагательных, которые способны к генерализации своих вторичных значений, воплощающих общие идеи недостаточности, неполноты и проч. Предметные существительные, казалось бы, не должны выражать столь обобщенных смыслов. В то же время включенность изучаемых слов в сферу лексики родственных отношений, имеющей высокий аксиологический потенциал, обусловила появление у них генерализованной оценочной семантики. Это важное свидетельство силы и яркости оценки, стоящей за анализируемыми словами.

* * *

Изучаемые образы обладают значительным сходством, однако образ вдовы более конкретен и индивидуален, в нем преобладают дескриптивные мотивы, что позволяет учесть даже такие «подробности», как вздувшиеся жилы на руках, горб от тяжелой работы, длинный черный наряд, тяжелый характер, стремление повторно выйти замуж и др. Портрет сироты далеко не так конкретен, при этом некоторые присутствующие в образе сироты

дескриптивные мотивы (несчастья, социальной ущербности, слез) близки к собственно оценочным, которые составляют доминанту в образе сироты, нарисованном как бы размытой «плачущей» акварелью.

Многие оценочные генерализующие мотивы являются общими в обоих языковых портретах, однако для образа сироты более значим мотив слабости, непроявленности признака, для вдовы – мотив отсутствия содержимого, пустоты.

В перспективе представляется интересным поставить вопрос о лингвокультурной специфике анализируемых образов. Так, уже наш краткий обзор показывает, что для славянских (особенно восточнославянских) языков нетипичен образ богатой вдовы, встречающийся в германских языках. Однако изучение этого вопроса требует привлечения более широкого языкового и культурного материала.

Литература

Толстая С.М., 2008, *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*, Москва.

Трубачев О.Н., 2008, *Труды по этимологии: Слово. История. Культура*, т. 3, Москва.

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»)

«Wdowa» i «sierota» w językach słowiańskich

Streszczenie

W artykule pokazano językowy obraz wdowy i sieroty. Analiza opiera się głównie na formacjach powstałych drogą derywacji semantycznej od wyrazów ze znaczeniem 'wdowa' i 'sierota', a także od idiomów zawierających te wyrazy. Materiał pozyskano ze słowiańskich słowników ogólnych i dialektalnych. W mniejszym zakresie przedstawiono też fakty romańskie i germańskie. Na obraz wdowy i sieroty składają się dwa czynniki: indywidualna charakterystyka badanych obrazów i poszerzony semantycznie motyw uogólniającego wartościowania.